
ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ В ПУШКИНСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (А.С. ПУШКИН, «ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМ»)

Со времени убедительных исследовательских разработок Ю.Н. Тынянова хорошо известно, что как профессиональный литератор Пушкин тяготел к крупным формам — поэмы, драмы, романа, повести. Сочинения крупных форм дают представление о выношенных, окончательно определившихся в поэтическом сознании автора результатах его художественных поисков и духовного развития, являются способом вхождения автора в литературный процесс, его общения с читателями и литературной общественностью.

Иное дело — лирика. Если поэт, по выражению Пушкина, «пишет для себя», то это в первую очередь относится к поэзии малых форм. Стихотворения, незавершенные наброски, через которые поэт может живо и непосредственно реагировать на меняющиеся обстоятельства и собственные душевные движения, в большей степени отражают не результаты, а сам процесс душевного развития, духовного самоопределения, нравственных и духовных поисков поэта. Есть серьезные основания рассматривать их как летопись не только интимных переживаний, но и в целом внутренней жизни в ее полноте и драматизме. Малые стихотворения, в том числе незавершенные, — есть фиксация внутренней работы, нащупывания решений, интуитивного схватывания сути в объективном и субъективном, в целом это фиксация творческого процесса, сущность и назначение которого — проникновенное интуитивное осознание через воплощение в слове — собственной душевной жизни, собственного внутреннего мира в его развитии.

Поэтому эти малые формы дают, может быть, самое полное и глубокое представление о внутренней жизни поэта, о поисках и от-

крытиях Пушкина, творящего не только эти тексты, но и собственную судьбу, творящего воплощающееся в слове, в поэтической форме и тем самым раскрывающееся перед самим автором, открывающееся ему нравственное и духовное содержание собственной личности. Это творчество себя — по преимуществу, своих ценностей, своих ценностных отношений, первооснов своего личностного бытия и творчества.

Особенно показательна в этом плане лирика конца 20-х — начала 30-х гг. Переломность этого времени для творческой и духовной биографии Пушкина прекрасно охарактеризована в ряде фундаментальных исследований (А.А. Ахматовой, Г.А. Гуковского, Ю.М. Лотмана, Г.П. Макогоненко, В. Непомнящего), но именно на основе анализа крупных или во всяком случае предназначенных для публикации, опредмечивающих достигнутые результаты форм.

Рассмотрение некоторых лирических текстов и незавершенных фрагментов этого времени позволяет, с одной стороны, проследить истоки представленных в более крупных формах решений, с другой стороны, обнаружить некоторые дополнительные моменты, существенные для всей дальнейшей эволюции Пушкина.

Речь здесь идет о формировании Пушкиным отчетливого представления о том, что такое ценностное отношение и каким оно должно быть, о конституировании образца ценностного отношения.

Эта проблема возникает перед поэтом после того, как им в 1828 году были написаны, может быть, самые напряженные произведения — «Воспоминание» и «Дар напрасный, дар случайный». Тексты эти свидетельствуют о глубоком духовном кризисе. Отсылаю читателей к блестящему анализу второго стихотворения как «Анти-Пророка» в статье В. Непомнящего «Дар». Подчеркну пока лишь мотив ценностной опустошенности в строках *«Цели нет передо мною, Сердце пусто, празден ум»*. В опубликованной Пушкиным части «Воспоминания» нужно выделить мотивы укоров совести (*«Змеи сердечной угрызенья»*) и негативной оценки пройденного пути (*«И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклиная»*). В неопубликованном фрагменте особо значим мотив своеволия (*«В безумстве гибельной свободы»*).

Эти тексты свидетельствуют: под прошедшим Пушкин подводит черту, предшествующее духовное состояние им оценивается крайне негативно, экзистенциальное состояние его теперь таково: ценности утрачены, ценностные отношения тоже, жизнь, лишенная ценностного содержания, напрасна, случайна, осуждена на казнь, высшие силы

враждебны, доминируют сомнение, тоска, опустошенность ума и сердца. В духовном и нравственном плане личность — на краю гибели.

В подобном состоянии ищут либо смерти, либо духовных сил для преодоления кризиса. Пушкин пошел по второму пути. Напряженность внутренней работы при этом достигает крайней интенсивности. Пушкин ищет такие ценности, которые могут вернуть ему переживаемое ценностное отношение, положительные ценностные эмоции, интенциональность, направленную на ценности. Он как бы задается вопросом, что есть такое интенциональное, эмоционально окрашенное, позитивное отношение к ценности.

Ответ был найден в течение достаточно короткого времени. Уже в 1829 г. Пушкин пишет перевод «Гимна к пенатам», в 1830 г. появляется ключевой для понимания духовного развития Пушкина в ту пору текст «Два чувства дивно близки нам»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как... пустыня
И как алтарь без божества.

Первоначальный вариант второго четверостишия:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Оба текста остаются незавершенными, но в них — и наряду с ними в некоторых других текстах того же времени поэт открывает для себя представление о ценностных отношениях, которое в силу присущих ему свойств дает возможность самому Пушкину и каждому, кто приобщается к его духовному опыту, одолевая кризис, возвращая себе ценностно-значимую интенциональность. Наиболее отчетливо способ выхода из кризиса явлен в стихотворении «Два чувства дивно близки нам». С первых слов ясно: для Пушкина ценностное отноше-

ние есть переживание, чувство, направленное на некий предмет, это эмоциональное отношение, существенно значимое для личности, дивно близкое ей.

Уже эта дивная близость заслуживает особого внимания. Ведь вообще всякое чувство охватывает человека и в то же время пребывает в глубине его сердца. Куда уж ближе. Дивная, т. е. крайняя, исключительная, а потому удивительная и, может быть, даже чудесная близость, очевидно, не в этом. Чтобы понять смысл пушкинского утверждения, нужно учесть, что обычные эмоциональные состояния и отношения — преходящи, временны, т. е. отчуждаемы от личности. Они-то охватывают душу, но и проходят. Предельно, уникально близким может быть в таком случае признано чувство непреходящее, неотчуждаемое.

По-видимому, для Пушкина дивная близость связана с тем, что человеческое сердце как бы срастается полностью с этим чувством, само чувство становится неотрывным от сокровенной сущности личности, становится константой ее внутреннего мира.

Такова первая посылка Пушкина, первый ответ на вызов кризиса: чтобы преодолеть духовную опустошенность, необходимо найти в своем сердце, в своем духовном опыте, вернуть себе такие чувства, которые могут быть неотчуждаемыми, которые неотрывны от самой глубокой сердцевины внутреннего мира, нужно добраться до истоков своей душевной жизни, расчистить их и обрести вновь те ценностные отношения, которые являются константами личностного бытия, сопоставимыми по своей непреходящести с религиозными переживаниями и ценностями.

Это возвратное движение аналогично покаянию, при котором личность отрекается от всего темного, грязного, опустошающего ее бытие, чтобы в результате вернуться к своей светлой сущности, к изначально данному ей образу Божию. Первая фаза нравственного усилия — покаяние, связанное с осознанием своих ошибок, падений, несовершенства, вины, греховности, с пробуждением совести, с переживанием отращения к прежнему в себе, к своим поступкам и образу жизни, с самоосуждением и самоотрицанием, — явлена в стихотворении «Воспоминание». В нем и в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» представлены такое внутреннее опустошение, такая потерянности утратившей себя личности, за которыми должна неизбежно следовать если не духовная гибель, то — жажда катарсиса, т. е.

очищения и просветления, то стремление вернуть себе себя, изначально присущее личности и сохраняющееся под всеми наслоениями ценностное переживание, обуславливающее ее самоидентичность.

Ожидаемая уже в стихах 1928 г. следующая фаза — возвратное движение души к своим ценностным истокам и является в стихотворении «Два чувства дивно близки нам». Там собственно и идет речь о сокрытых ценностных истоках личностного существования, которые дороги человеку, поскольку они являются основой его личностной самоидентичности, которую не может не стремиться вновь обрести тот, кто с отвращением читает жизнь свою.

Не случайно Пушкин далее пишет об этих чувствах: «*В них обретает сердце пищу*». Действительно, те чувства, которые обеспечивают самоидентичность личности, которые являются неотрывными от ее сокровенной глубины, дают возможность жить сердцу, живительны для него, питают его. Если они есть, сердце наполняется тем, что дает ему возможность одолевая все, что встречается на многотрудном пути личности. С другой стороны, к этим дивно близким чувствам сердце раз от разу может возвращаться, все более проникаясь ими, и в итоге созревать, мужать, возрастать духовно, ибо они дают пищу для всего этого.

Таким образом, сказав «*В них обретает сердце пищу*», Пушкин делает еще один шаг в преодолении кризиса, ибо опустошенности (когда сердце пусто) здесь противостоит его наполненность, но уже не страстями, а ценностно значимыми переживаниями, обреченности осужденной на казнь жизни — живительная сила, позволяющая одолевая трагизм бытия: напитавшееся такими чувствами сердце дает человеку решимость жить, обуславливая тем самым живое ощущение осмысленности жизни, которая прежде казалась напрасной, случайной, бесцельной.

Такими чувствами, возвращающими человека к истокам его душевной жизни, к изначально данному, Пушкин называет любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам. Родное пепелище — это родной дом. Обычно это дом, где человек родился, где жили его родные, где в их кругу он был окружен добром, заботой, любовью, там переживают первые «впечатления бытия», там человек был защищен, там приобщался к родовой памяти как к источнику ценностных отношений. Родной дом — это место, где человек естественно и непосредственно, через живое восприятие, созерцание и переживание

приобщается к ценностям. Родной дом навсегда остается для него неким центром бытия, из которого открывается вся картина мира в целом, а также источником целостного взгляда на мир и соответственно цельности человеческой личности.

Таким образом, Пушкин находит такой предмет эмоционального отношения — Дом, чувства к которому действительно могут быть близкими, т. е. неотчуждаемыми, непреходящими, потому что родной Дом, к которому он хотя бы в воображении возвращается, как блудный сын, не может оставить человека равнодушным, не может не волновать, а значит, даже если сердце опустошено, есть надежда, что при встрече с родным домом разобьется его окамененное нечувствие, вернется любовь, питающая и живящая сердце. Мы вновь сталкиваемся с тем, что путь преодоления кризиса пролегает через истоки ценностных отношения, через возвращение к предметам, которые изначально вызывали эти отношения и переживания.

С другой стороны, здесь обозначен еще один мотив возвращения к родному пепелищу: это необходимо для преодоления потерянности личности во враждебном, отчуждающем ее мире, когда ею утрачиваются ориентиры, когда пребывая в *«неволе, в бедности, в гонении»* и в суете, слыша то *«друзей предательский привет»*, то *«жужжанье клеветы и шепот зависти»*, испытывая, как *«сердцу наносит холодный свет неотразимые обиды»*, человек жизнь в целом представляет себе бесцельной, напрасной, полной случайностей, лишенной смысла. Дом как центр бытия, центр ценностного образа мира нужен человеку, чтобы он мог вернуться к такой цельной картине бытия, к цельности мироотношения и внутреннего мира.

Но вот что характерно: встреча-то в тексте стихотворения происходит с домом, который обратился в пепелище. Дома собственно нет, есть лишь память о нем. Точно так же нет уже в живых и предков — есть отеческие гроба, можно посетить пепелище и могилы предков, но нельзя в действительности вернуться к родным, в родной дом. Реально дом, род, семья уже не могут защитить, уберечь, оградить, обогреть, окружить любовью. Отсюда особый модус ценностного отношения, оно становится сугубо духовным, оно не может быть утилитарным, потребительским, эгоистичным. Что же может быть при этом обретено? То, что неуничтожимо, — духовная субстанция дома и рода. Ушедшие из жизни предки и дом, ставший пепелищем, становятся достоянием вечности. Ценности временные претворяются

в вечные. И можно надеяться вернуться к истокам, корням, духовной субстанции дома и рода лишь в духе и истине. Но это и может привести к тому, чтоб ставшее сутобо духовным ценностное отношение приобрело характер абсолютной константы. При этом реализуется потребность личности в ценностях вечных, неуничтожимых, которые не могут изменить человеку. Вот почему Пушкин далее утверждает: родное пепелище, отеческие гроба есть животворящая святыня.

Здесь собственно и дана формула ценностного отношения, здесь самое сильное пушкинское утверждение, отражающее ядро его позитивной позиции по отношению к ценности.

Итак, через предикат осуществляется приписывание соответствующим предметам статуса ценности. При этом автор не просто фиксирует наличие в его поле зрения того, что имеет ценностное содержание само по себе, объективно или для кого-либо, вне его собственного личностного отношения — тогда бы ценность могла рассматриваться безлично, отчужденно от личности и отношение к ней можно было бы устанавливать, определять, варьировать — от безразличия до благоговения или, наоборот, кощунства. Нет, если в высказывании ценностный смысл приписывается, значит речь идет о том, что автор относится к тому, о чем говорит, как к ценности, тут и возникает личностное ценностное отношение.

О смысловом наполнении этого отношения и можно судить, опираясь на слово «святыня». Обычно отношение к святыне — это благоговение, почитание, поклонение, соответствующие смыслы для Пушкина являются опорными.

Именно такое отношение — по иному поводу — Пушкин фиксирует в строках: *«Но, встретясь с ней, смущенный, ты Вдруг остановишься неволью, Благоговей богомольно Перед святыней красоты»*, ср. начало другого стихотворения: *«Перед гробницу святой Стою с поникшею главой»*. Подобные переживания явлены и в первых строках стихотворения «Воспоминания в Царском селе» 1829 г.:

Вспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

Здесь же можно вспомнить завершающую строфу из стихотворения «В часы забав или праздной скуки»:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Но наиболее полно связь отношения к святыне с различными переживаниями, с широким их кругом выражается в тематически близком к рассматриваемому тексту переводе «Гимна к пенатам»:

Но вас любить не остывал я, боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — зане там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волнением
Оставил я людское племя,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный...
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства.
О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

Итак, по Пушкину, ценностное отношение к святыне связано со смущением, сладкой тоской, поклонением, священным ужасом, любовью, отдохновением души, ее томительным устремлением к отдохновению, к миру, стремлением беречь святыню, святым волнением, погружением в сердечну глубь, неизъяснимыми наслаждениями, не смертными, таинственными чувствами, молитвой, обращением к Божеству, наконец, с благоговением. Доминантой ценностного отношения является любовь — не остывающая, горячая, душевная, отдающая своему предмету всю полноту сердечного чувства, это любовь к родному, что дорого, близко, субъективно важно, к чему обращаются с молитвой, свидетельствующей об устремленности к этой ценности, которая воспринимается, верой принимается как святыня, единение с которой зависит от некой благодати, даруемой тем, кто не оставляет надежды, кто сохраняет волнение, поскольку ценность не дана, ее

нужно стяжать, ее легко утратить, не просто обрести, но она ждет тех, кто, сохраняя самотождественность, не остывал любить, грустил, томился, чаял встречи с ней.

Ценностное отношение к святыне для Пушкина, таким образом, есть отношение переживаемое, причем чувства тут весьма многообразны, переживаемое ценностное отношение охватывает всю сферу чувств, все сердце — до предельной сердечной глубины. Характерно, что у Пушкина отсутствуют указания на сознательное, рациональное отношение к святыне. Это можно понять. Если мы говорим: я знаю (полагаю, понимаю, предполагаю), что это святыня, я знаю о такой-то святыне и т. п., то в подобных утверждениях субъект, личность и святыня дистанцированы, отчуждены одно от другого. Говорить так еще не значит принимать святыню целостностью своего личностного существа, иметь переживаемое отношение к ней. Тут перед нами рациональное решение вопроса о том, присуши ли объективно чему-либо признаки святыни. Это установление логического, вполне формального отношения между предметом и признаком. Заметим, интеллектуальные операции не захватывают всей полноты и целостности внутреннего мира личности.

Таким образом, возврат к ценностному, с пушкинской точки зрения, может произойти, если является результатом не рационального решения, а интуитивного отношения, сопровождаемого непременно многообразными переживаниями, охватывающими всю сферу человеческих чувств, с обязательным присутствием иррационального, сакрального.

Знание и мнение не может быть мотивом ни действий — таких как молитва, поклонение, ни переживаний, в особенности несмертных, таинственных чувств. В то же время переживаемое, эмоциональное ценностное отношение к святыне важно именно в плане мотивации, оно захватывает в ее полноте и мотивационную сферу личности. Насколько глубоки эти мотивации, можно судить по тому, что святое волнение заставляет оставить людское племя, огонь, опаляющий душу, понуждает ее отвергнуть мрак земных сует, смущение и благоговение заставляют остановиться, прервать профаническое существование и выйти к не смертному, таинственному, к высшему бытию, к вечному.

Обратим внимание: в пушкинской интерпретации отношения к святыне есть момент страдательности, переданный даже в собствен-

но грамматических формах страдательного залога: смущенный, душа палима, исполнена тоской. Видно, речь идет о состоянии, которое является неконтролируемым, произвольным, ср. строку: *«Вдруг остановишься невольно»*, т. е. это состояние претерпевается, испытывается, оно овладевает душой, охватывает всего человека, но не является свободно направляемым и сознательно регулируемым.

Этот момент особенно важен для характеристики самой личности с точки зрения ее готовности к такой реакции. Чтобы личность естественно и произвольно отдавалась таким переживаниям, в ее внутреннем мире должны доминировать соответствующие ценностные константы, которые уже полностью вошли в состав души и неотрывны от сущности личности. Это подобно нравственным реакциям: чтобы они были произвольны, соответствующие моральные ценности должны органично войти в естество личности. Здесь мы с иной стороны вновь подходим к вопросу о неотчуждаемости дивно близких чувств. Здесь вновь утверждается: чтобы вернуть себе переживаемые ценностные отношения, необходимо обратиться к тому, что до самой глубины захватывает мотивационную сферу, что было и может быть неотрывным от твоей внутренней сущности, нужно вернуться к неотчуждаемому. Очевидно, утверждение существования неотчуждаемых ценностных отношений, укорененных во внутреннем мире и обеспечивающих личностную самоидентичность, — это смысловая доминанта пушкинской поэзии.

Переживание ценностного отношения к святыне у Пушкина — это встреча целостной личности и целостности сакрального, встреча, при которой осуществляется единение пребывающей в дольном мире личности с горним и обретение ею во время (или на время) этой встречи полноты бытия. Это обретение личностью подлинной жизни, в ее единстве со святыней, с вечным, с Божеством. Вот почему Пушкин говорит о святыне *животворящая*. Подлинное бытие живо лишь в единении с горним, без чего мир и наше существование в нем мертвоют и опустошаются. Отсюда пушкинские слова: *«Земля была б без них мертва, Как ... пустыня»*.

Это требует от человека особого модуса переживания. Встречаясь со святыней, он должен так переживать свою связь с ней, чтобы освящалось само ценностное отношение, чтобы святыми становились волнение, любовь, молитва. Только в таком случае встреча состоится, и алтарь посетит своим благодатным присутствием божество. Фор-

мальные знания о, скажем, ритуальных действиях, формальное их осуществление не приведет к явлению такой встречи. Алтарь лишь место встречи, молитва — ее форма. Но и место, и форма могут быть телом без души. И тогда алтарь — мертв, как место несостоявшейся встречи, по слову Пушкина, — алтарь без божества.

Заметим, что, строго говоря, когда речь идет о собственно религиозном поклонении, алтарь, равно как и другие ценности религиозного отношения, не могут мыслиться пребывающими без божества, без святости и благодати. Но применительно к таким ценностям, как родное пепелище и отеческие гроба, можно смело утверждать: они то и могут быть святыней лишь при наличии соответствующего ценностного отношения. Пушкинское истолкование святыни во многом соотносимо с религиозными представлениями, но безусловно верно оно по отношению к нерелигиозным ценностям.

Соответствующим требуемому модусу переживания встречи со святыней является для Пушкина благоговение. Оно у него связано с молитвенным состоянием («*благоговяя богомольно*», «*молить благоговейно*»), чем подчеркивается возможность общения со святыней. Целостная личность может войти в общение и в общность с нею. Тут нет места отчужденному отношению. В то же время пушкинские контексты позволяют говорить о живом чувстве или интуитивном ощущении дистанции между высотой и совершенством святыни и неизбежным несовершенством человека. Именно поэтому встреча со святыней приводит его в смущение, приблизиться к ней он может лишь с поникшей главой, в святом волнении. А если вспомнить, что еще недавно ты пребывал среди земных сует, испытал змеи сердечной угрызенья, с отвращением читая жизнь свою и пр., понятно и появление священного ужаса. Ведь этот ужас, как и страх Божий, можно толковать как чувство, возникающее, когда человек начинает интуитивно сознавать, что сам, по собственной вине, из-за своего безумства, лени и страстей все более удаляется от святыни, от Бога, сам уходит во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов. Если бы человек, в затмении душевном, обеспамятев, пребывал в полном отчуждении от святыни, то страха, священного ужаса не было бы. Но отчуждения у Пушкина нет, и является ужас, и томится и тоскует душа. Пребывающая в мертвой пустыне, без божества, без вдохновенья, она не может не просить позволить приблизиться к святыне, вернуть ей общение и общность с нею, восстановить связь с Божеством. На самом деле для

души мир без святыни мертв, алтарь без Божества немислим, и вот она, смущенная, поникшая, осмеливается молить благоговейно. Таким сложным и драматичным, если не трагическим, предстает пушкинское благоговение перед святыней. Здесь еще раз находит отражение духовная коллизия, претерпеваемая и преодолеваемая поэтом.

Итак, высшие ценности для Пушкина приобретают статус святыни. С его точки зрения именно они являются основанием самостояния человека. Совершенно не случайно при этом говорится: «*На них основано от века По воле Бога самого Самостоянье человека*». По воле Бога никакие иные ценности, кроме вечных, кроме святынь, не могут быть основанием чего бы то ни было.

Самостоянье человека есть его свободная позиция и свободное поведение, не обусловленное ничем, кроме абсолютных ценностей, кроме переживания общности с ними, кроме святынь. Только такой может быть истинная свобода, потому что если человек ищет иной свободы, то он получит и иную зависимость — от своих инстинктов, безумства, лени и страстей, от условий света, от соблазнов и искушений, внушаемых князем мира сего. О таком и было сказано Пушкиным: «*В безумстве гибельной свободы*». От такой зависимости освобождает ценностная связь со святыней, поэтому именно она дает высшую свободу человеку и является основой его самостоянья.

Самостоянье обусловлено таким ценностным отношением, поскольку оно направлено на первоосновы бытия, на его центр, откуда разворачивается целостное представление о мире, формируется целостное отношение к нему, а в итоге наступает духовное исцеление личности, восстанавливается ее цельность. Цельной личности присущ цельный ценностно-значимый образ мира и образ существования. Ей свойственно интуитивное освоение неких генеральных принципов мироотношения и поведения (с опорой на ценности, на святыни), переживаемое приобщение к определенному модусу существования, образу жизни, способу бытия, усвоение ценностно-значимого стиля жизни и поведения. Никакой мелочной регламентации, никаких заданных заранее программ, парадигм и решений. В катастрофически меняющемся мире жесткие мировоззренческие и поведенческие структуры неприменимы. Да и предопределение поведения ими опять-таки стесняло бы свободу. Поэтому самостоянье человека, как и самоотжественность личности может основываться лишь на живом, переживаемом отношении к ценности, живой интуиции, проявляющихся в сти-

ле восприятия мира, в стиле экзистенции и поведения. И Пушкин собственно выработывал не мировоззренческие модели и поведенческие парадигмы, но основанную на ценностном отношении интуицию бытия, образ жизни, экзистенциальный стиль. В таком случае святыня при переживании ценностного отношения к ней действительно творит живую жизнь, живое свободное мироотношение и поведение. Человек при этом может жить свободно, а не воспроизводить заданный регламент, постоянно оглядываясь на запреты и предписания. Тогда человек и может *«Чтить самого себя»*, ибо обладает самостояньем, творческой свободой, залог его величия в этом.

Наконец, величие человека, очевидно, определяется его способностью противостоять катастрофизму бытия, разрушительному для личности в ее самождественности, для ее ценностного мира, для ее свободы и творчества. Видимо, именно столкновение с катастрофами, потребность устоять перед ними и побуждает личность искать непреходящие, неотчуждаемые ценности, обращаться к святыне.

Мы начали с того, что проблема ценностного отношения возникает перед Пушкиным в результате духовного кризиса. Но кризис этот, как становится ясным при прочтении черновика «Воспоминания», вызван именно жизненными катастрофами. Таким образом, духовное самоопределение Пушкина есть ответ не только на вызов духовного кризиса (он **произведен**), но и на вызов катастрофизма человеческого существования. Истоки духовности Пушкина, его нравственного самоопределения, его ценностных отношения в этих коллизиях.

Духовность Пушкина, его ценностная позиция катастрофичны в том смысле, что возникают в ответ на катастрофизм бытия и предназначены для его одоления в будущем. Но, оказывается, одолевать его может лишь тот, кто имеет такие ценностные отношения, на которых может основываться его свобода, творчество, самостоянье, без чего в изменчивом мире человек обречен на поражение. Для того же, чтобы устоять перед лицом катастрофизма мира, необходимы непреходящие, абсолютные в своей неотчуждаемости ценностные отношения. Когда они есть, есть и самостоянье, есть и величие человека.

Пушкина в грядущем ожидали новые катастрофы. Через несколько лет он напишет:

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но тогда, опираясь на свое интенциональное отношение к ценности, в глубине сердца, питаемого дивно близкими чувствами, он сможет найти достойный ответ — ответ личности, одаренной самостоятельным, готовой и к испытаниям, и к творчеству, способной устоять в жизненных невзгодах и сохранить свою свободу и самоидентичность, одним словом, ответ человека, обладающего величием:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. О Пушкине. — Л., 1977.
2. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М., 1957.
3. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. — М., 1965.
4. Лотман Ю.М. Пушкин. — С.-Петербург, 1995.
5. Макогоненко Г.П. Творчество А.С.Пушкина в 30-е годы. — Л., 1974.
6. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. — М. 1987.
7. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. — М., 1968.